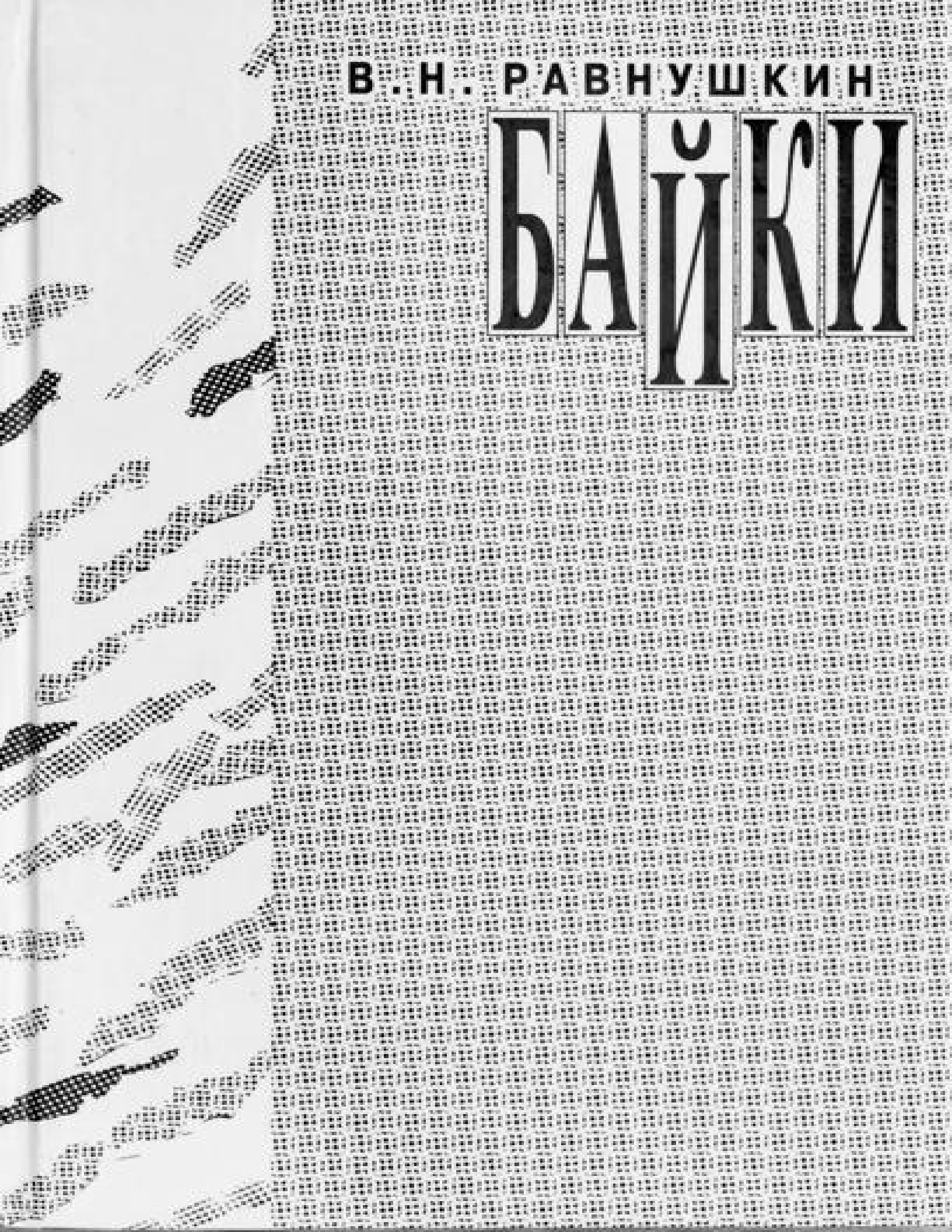
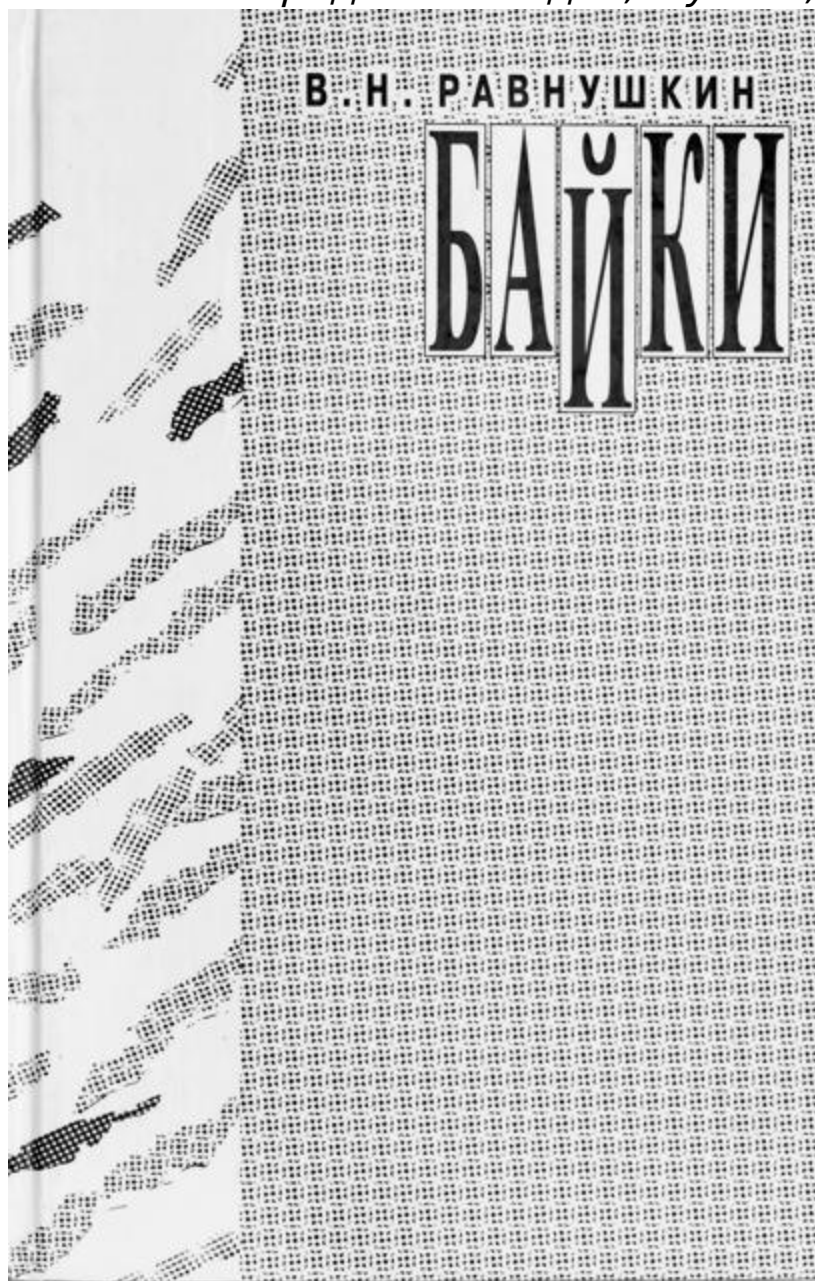

В. Н. РАВНУШКИН

БАЙКИ

*Автор искренне благодарит
ОАО "Саянский алюминиевый завод"
за выделенные им средства на издание этой книги,
что дало возможность моим землякам
узнать о некоторых дополнительных страницах истории
и быта Российской глубинки, о бережно хранимых
народом легендах, шутках, сказках.*

В. Н. Равнушкин

БАЙКИ

---

*От автора
с добрыми
ночьми всем
В. Равнушкин
6 мая 2005
В. Равнушкин
г. Красноярск*

Красноярск
Производственно-издательский комбинат «Офсет»
1997

*Милые земляки, друзья, сибиряки,
уральцы, моя вечная благодарность
вам за долгую науку жить.*

АВТОР

Иногда, смертельно уставая,
Признаем — Сибирь у нас не рай.
По версте, по сотке обживая,

Все же любим, любим этот край.

За часы печали и веселья,
За раздольный выход в океан,
За тугую воду Енисея
В каменистом русле у Саян.

За эпоху сказочных открытий,
За летящий грохот поездов,
За серые отблески событий
В куполах старинных городов.

За скупой остаток бездорожья,
За лучи короткого тепла
И за трепет в сердце осторожном
На тропе медвежьего угла.

Втиснутая в память по крупице,
Повсеместно: рядом и вдали
В нашу жизнь из прошлого стучится
Милая история земли.

«...Одной из удивительных, поистине сенсационных находок 1974 г. в Восточной Сибири является клад Айдашинской пещеры (около 20 км от г. Ачинска).

У местных жителей сохранилось немало легенд о чудесных и таинственных событиях, связанных с этой пещерой, в силу чего ее называют также Дивьей ямой».

«Наука и человечество». 1976 г., с. 376

БЫЛЬ И СКАЗКИ ПРО АЙДАШКИ*

* *Айдашки* — утраченная временем деревенька на берегу Чулыма в двух верстах от одноименной пещеры.

*«...книга посвящена
исследованиям
одного из
интереснейших
жертвенных мест на
территории Сибири
— Айдашинской
пещере, известной в
народе под
названием «Девичья
яма».*

**Доктор исторических наук Р. С. Василевский.
Из предисловия к монографии «Айдашинская пещера».
Авторы: Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. 1980 г.
Издательство «Наука», г. Новосибирск.**

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

Вот один рассказ, послушай
Да внучатам сбереги.

Гнал табун коров пастуший
Низким берегом реки.

Дело к вечеру. Смеркалось.
Догорал закат зари.
До деревни оставалось
Так версты, наверно, с три.

Миновали бор сосновый,
Вот и Лысая гора.
К дому тянутся коровы
Табунком. Доить пора.

Вдруг у каменного лога
Чей-то стон, пастух глядит:
Кто-то с плачем у дороги
В белом рубище стоит.

Не лицо, а слепок муки.
Ноги сбитые, во мху.
Тянет высохшие руки,
Словно крючья, к пастуху.

Дед Тарас! Моим мученьям
Нет конца, мой грех возьми,
Повяжи мне крест на шею,
А проклятиеними.

Сердце враз захолонуло,
И от лесу наугад
Пастуха как ветром сдуло.
Сгинь! Изыди! Святы-свят!

Задохнулся, будто черти

Гнали к дому напрямик,
Прибежал до полусмерти
Перепуганный старик.

Заикался, озирался,
Лоб неистово крестил,
Женский плач ему казался,
Страхом душу леденил.

В сотый раз, а может, больше
Повторяя свой рассказ,
В этот день переполошил
Всю деревню дед Тарас.

Люди слушали, крестились
В грудь залатанных рубах,
В темноту тишком косились
И вздыхали...
«Ох!» да «Ах!»

Ух ты, мать честная!
Жуть-то!
Вот беду-то Бог послал!
Говоришь, что девка будто?
А узнал её? Узнал.

У вдовы-то Степаниды
(Лет уж пять тому прошли)
Девка, чертова планида,
Потерялась — не нашли.

Та деваха-то, белица,
Хоть прошли уже года,
Молодым и нынче снится,

Ведь была-то хоть куда.

Степанида всё искала
Побогаче женишка.
Слушать дочь её не стала
Из-за милого дружка.

С пареньком она любилась
За деревней по ночам.
Это матери открылось
(Видно, кто-то примечал).

Так и было! Так и было!
За купца ведь не пошла.
Мать её уж била, била,
А потом и прокляла.

Скрылась девка, потерялась.
Всем селом туда-сюда,
Посчитай, три дня искались.
Нет, пропала навсегда.

Вроде кто-то в няше моклой
Видал след и на песке.
Так и думали: утопла
Вражья дочь в Чулым-реке.

Значит, там была она-то, Что-то в этом неспроста.
Ведь с проклятием не снятым
И на шее без креста.

Долго в этот раз не спали.
Ночью, путаясь в траве,

Бабы стадо собирали
По корове да по две.

Раным-рань, чуть свет завиднел
(Сон-то не был ни в глазу),
Рассказали Степаниде
Мужики про блажь в лесу.

Мяли ноги у порога
(Пол боялись заследить)
И просили перед Богом
Дочь пропащую простить.

Бед-то, баба, будет впредь нам
И хлопот не занимать,
Если будет девка-ведьма
На горе селян пугать.

Там же выпас самый лучший,
Сенокосная трава.
Мужиков не стала слушать,
Дверью хлопнула вдова.

В тот же день в селе таёжном
Сам собой собрался сход.
Муравейником тревожным
Целый час гудел народ.

Говорили: не мешало б
Крест поставить на тропу.
Но сперва сходить в Зерцалы
На совет к судье-попу.

Кто кричал: с иконой надо!

А другой: водой святить!
А иные: за ограду
Степаниду да избить!

Порешили же базаром:
В руки вилы, топоры
Да айда с Тарасом старым
На уклон лихой горы.

Шли сторожко. Друг за дружкой.
Вот и Лысая гора.
Закарабкались к макушке,
А на ней... в земле дыра.

Вся ватажка разом встала,
Рот разинул дед Тарас.
Тут вот девка и стояла
В этом месте, тут как раз.

(Под рубахой пот холодный.)
Видно, тут и впрямь беда.
Девка, знать... из преисподней...
А потом... опять туда.

Из дыры наружу тянет
Душный запах нутряной.
Осенили лоб селяне
Да с горы бегом домой.

С тех-то пор с молвой упрямой
В разговорах всякий раз
Стали звать Девичьей ямой
Гору Лысую у нас.

Долго, долго так и было.
Люд годами примечал:
Из Девичьей ямы выло
Да ревело по ночам.

Нам легенду — эту сказку —
Рассказал (его уж нет)
Влас, столетний дед с Айдашки,
Ну а деду дедов дед.

Это первый наш рассказик
Ваше дело верить, нет.
Много есть на свете сказок,
Но такой не помнит свет.

«...В 6 верстах от г. Ачинска, выше по течению Чулыма, на плоской возвышенности, лишенной лесной растительности, круто поднимающейся съ луговой стороны реки, есть воронкообразное углубление, въ одномъ углу котораго для пролезания человека имеется темное отверстие, служившее входомъ въ подземелье. Изъ первой пещеры идетъ ходъ в другая подобнаи-же помещения, покрытых известковымъ налетомъ, сильно блестящимъ при свете факеловъ. Летъ 26 тому назадъ одинъ смелый мужикъ спускался туда и нашель тамъ несколько полированныхъ костяныхъ наконечниковъ стрелъ, изъ которыхъ пять штукъ были преобретены ачинскимъ музеемъ; онъ видель на полу следы лежавшихъ когда-то деревянныхъ луковъ.

Пещеры, вероятно, служили приютомъ людей, жившихъ въ глубокой древности, въ доисторическую эпоху, о чемъ красноречиво говорятъ найденные тамъ наконечники стрель».

«Колокол», 10 окт., № 786.

«Известия императорской археологической комиссии», с. 24.

Санкт-Петербург, 1909 г. С. 24.

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

Много, много лет и зим
Плещет водами Чулым,
На затоны свысока
Смотрит горный кряж Арга.

На его холмах густелью
Кедрачи, пихта и ели.
У ручьев — берёзок косы,
На лугах реки — покосы.

Там боками на ветра
Есть открытая гора.
Если встать на эту гору,
Сверху видятся озёра.

Два: одно к горе поближе,
В берегах кустарник рыжий,
И туда с холмистых круч
Выбегает звонкий ключ.

Божьим чудом староверам
На горе была пещера,
Всё равно, что злой оскал,
На земле чернел провал.

Из провала в летний зной
Лился холод ледяной.
В зимы, будто злым угаром,
Из дыры клубилось паром.

Все, кто в ближних сёлах жили,
Это место обходили.
В разговорах осторожных
О пещере страх набожный

Вечно жил среди людей
То слабее, то сильнее.
Люди разное болтали,
Всё, что знали и не знали.

Дескать, черти там сидят,
Дескать, эта яма в ад.
Там ночами ведьмы пляшут.
А однажды кто-то страшный

Глубоко в земле рычал,
Бубен будто бы стучал,
Потому что там-де в гнили
Двух шаманов схоронили.

Будто ночью, раз в году,
Там в сплошную темноту,
Расточая смрад да вонь,
Из горы горит огонь.

Люди разное болтали
Всё, что знали и не знали.
Зимы шли, сменялись летом,
От пещеры дикой этой
(Хоть её чурался свет)
Ни беды, ни пользы нет.

Так и шло, но вот однажды
Приключился случай важный:
Летом тёплым и зелёным
В яму ухнулся телёнок.

Случай этот небывалый
Увидал подпасок малый.
В кулаке зажав фуражку,
Добежал он до Айдашки,

Из бадейки деревянной
Зачерпнул и бух! Селянам,
Сипло кашляя в кулак,
Дескать... значит... так и так...

После полудня, к жаре,
Людно было на горе.
Наверху толпа молчала,
В яме жалобно мычало.

Впереди над самой ямой
Наклонился Сил упрямый.
Глубоко, внизу, в теснине,
Помощь ждёт его скотина.

Глубину в глухой пещере
Никогда никто не мерял.

Камень, брошенный в провал,
Долго бился и стучал.

И тогда чертям назло
Сил стянул тугим узлом
Вместе четверо вожжей
Из просаленных ремней.

Щипью дергая виски,
Мужики да, старики
Угрожали и просили,
Отговаривая Сила.

Погудел народ да сник,
А отчаянный мужик,
Выбивая зубом дрожи,
В яму влез, держась за вожжи.

Бокон втиснулся в проём,
Освещаясь фонарем.
Как часы, минуты длились,
Наверху тишком молились.

Темнота порой от Сила
Сиплый голос доносила.
Кто смелее - осторожно
Временами дёргал вожжи.

По команде смельчака
Люди подняли телка,
А потом, кряхтя, без сил,
Из пещеры вылез Сил.

В глине потная рубаха,
С любопытством и со страхом

Люд глядел на мужика,
Щупал, мял ему бока,
И дивился: Сил упрямый
Развенчал святую яму.
Отдышался он и людям
Рассказал о чудном чуде:
Там, внизу, в глубокой яме,
Между острыми камнями
Залы выбиты в стенах,
В них на каменных полах
Дуги луков изопревших
И колчаны стрел истлевших.
Чьи-то высохшие кости,
Пик изломанные трости.
Слыша этот Силов бред,
Люди верили и нет.
Эко, что наколесил!
И тогда упрямый Сил,
На траву коленом встав,
Ссыпал, узел развязав,
Из подла своей рубахи
Позолоченные бляхи.
Лет прошло с тех пор немало
И воды к морям сбежало
По пескам Чулым-реки.
А пещеру старики
В этот год и в день тот самый
И назвали Дивьей ямой.

«...Тайна окружала неожиданную кончину императора Александра I, а несколько лет спустя по России распространилась молва о сибирском старце Феодоре Козьмиче, в котором современники угадывали царя, оставившего престол и посвятившего свою жизнь посту и молитве».

**«Легенды об императоре Александре I». Д. Г. Романов. 1909 г.
«...В том же (1836) году Федор Кузьмич, как бродяга, был наказан
20-ю ударами плетей, выслан из Красноуфимска на поселение в
Сибирь, в Томскую губернию, близ г. Ачинска и приписан к деревне**

**Зерцалы... куда и прибыл с 43-ю партией) 26-го марта 1837 года».
«Император Александр I и старец Федор Кузьмич». Издание
Московского книгоиздательского товарищества «Образование»,
1910 г.**

**«...И. Г. Латышев — крестьянин села Краснореченского, с которым
Федор Кузьмич познакомился и сошелся в 1839 г. и который после
разных перемен места жительства построил для Кузьмича в стороне
от дороги, в горе, над обрывом в лесу келью...»**

**Л. Н. Толстой. «Посмертные записки старца Федора Кузьмича,
умершего 20 января 1864 г.
в Сибири». Собрание сочинений в 22 томах. Т. 14, с. 330.
Краснореченское (Красная речка), Белоярское (Белый Яр), Зерцалы
— деревни на берегу Чулыма в 1—5 верстах от Айдашинской
пещеры.**

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

Невесёлых и весёлых
Сотни сказок в наших сёлах.
Песни разные поём,
В каждой что-нибудь своё.

Старики-то, мудрецы-то,
Э-э, за ними глаз да глаз.
Вот и эта не забыта
Сказка хитрая у нас.

Давно это было. Хоть мир и велик,
А притча сюда вот пристала.

Так вот – объявился набожный старик
Однажды в деревне Зерцалы.

Усердно молился, латынью писал
И ликом глядел благородным.
Не наши языки какие-то знал,
А власти назвался безродным.

Ни сеять старик, ни пахать не умел,
Хоть прожил на свете немало.
Кормился и угол отдельный имел
В богатой избе приживалом.

Всё чем-то таился старик ото всех,
Чурался застоля и пира.
Сказал, что особый замаливал грех,
Уйдя от привычного мира.

Хозяин избы говорил мужикам,
Что видел своими глазами:
На жилистой, тощей спине старика
Рубцы от кнута полосами.

Крестьяне в пустынных тихих всегда
Набожность великую чтили.
Прошли незаметно и дни, и года,
В селе старика полюбили.

Однажды старик на соседском дворе
Прослышал о тёмной пещере, Её за Чулымом на Лысой
горе
Нашли в каменных расщельях.

Старик поселился под толщей горы.

К его заточенью в угодые
Крестьяне сквозь камни к основе дыры
Пробили скалистые сходни.

Годами, а сколько, никто не считал,
Тот странник в угрюмой постели
Молился да книги святыя читал
При сальных свечах в подземелье.

В окрестном уезде мужицкой молвой
В легендах потом говорилось,
Что старцу видений святых под землей
За годы немало открылось.

То видел себя он в цветных теремах
В богатых одеждах да злате,
То в странах заморских на званых пирах, То вдруг
предводителем рати.

То слышал среди закопчѣнных камней
Повозок скрипящих движенье,
То видел врагов на железе цепей,
Поверженных в грозных сраженьях.

То вдруг, как в былинах да сказах седых, В малиновом
звоне соборов
Являлся с иглой у студеной воды
Далекий и сказочный город.

А после всего леденящим концом
Под бой барабанов и пушек
Являлось ему голубое лицо
В тяжѣлом удушье подушек.

От этих видений под толщей земли
Отшельник дышал, как избитый.

Из мрачной пещеры часами текли
Слова иступлённой молитвы.

Не помнит народ, отмолил ли грехи
Пустынник в своём подземелье,
А может быть, Боги остались глухи
К его непонятым молениям?

В какую-то зиму, худой и седой,
По снегу в студёную пору
Старик, просветленный из кельи глухой
В губернский отправился город.

В те годы набожные люди в миру,
Что память о истинной вере,
Церковку поставили в Белом Яру,
Ходили с иконой к пещере.

Не вышло крестьянским умишком постичь, О старце
всего не узнали.
Дай памяти, вроде бы Федор Кузьмич
В деревне его называли.

А после откуда-то сказка пришла.
И верить бы грех, да уж складной
Та сказка изложена кем-то была
И всё в ней и к месту и ладно.

Прошло до десятка и больше годков
С того, как Михайла Кутузов
По зимникам снежным штыками полков
Прогнал из России французов.

Вот в эту то пору и царь на коне
По дальним и пыльным дорогам

Поехал со свитой своей по стране
И умер в пути, в Таганроге.

Царя-императора спрятали в гроб,
Отправили в Питер, зарыли,
Оплакали миром. А все ж... не потоп, Привыкли и
вроде... забыли.

Ан нет. Потянулись слушки за спиной
Придворного блеска и шума,
Что гроб-то зарыли без тела, пустой, Что царь-то живёт,
а не умер.

Что царь перед Богом давно без конца
Казнился в забытом навете,
Твердил, что за Павла-царя, за отца, За гибель его был в
ответе.

И всё собирался от царства уйти,
Устав от короны и власти,
Часами старался в моленьях найти
У Бога прощенья и счастья.

Вот так по земле от села до села
С прибавками к слухам, наветам
Молва о живом Александре пошла
В народе по белому свету.

Когда на Чулым эта сказка дошла,
Дивились там: верить, не верить...
Ведь память в Зерцалах о старце жива, А вдруг?..
Вот и сказ о пещере.

«Девичья яма — место таинственное и романтическое, с ней связано много легенд и поверий. Рассказывают, что до революции шайка разбойников здесь прятала награбленное добро. А ещё в этой пещере жила таинственная девушка, скрывающая своё лицо. Старые люди уверяли, что видели в пещере каменную постель, стол и скамью».

Газета «Ленинский путь», 22 июня 1975 г. В газете «Московские ведомости» за 14 июня 1899 г. была опубликована заметка, в которой говорилось о легендарной деде, жившей в Айдашинской пещере.

Всё легенды да былины.
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

Ох и любим посудачить,
Посидеть да поболтать.
Ну так это ведь и значит
Басен нам не занимать.

Деды сделают делишки
И за байки, разве грех?
Это значит: будут книжки,
Будут сказки, будет смех.

Строчка строчкой к строчке ляжет.
Где смешок, а где вздохнём,
Пусть ещё чуток расскажут,
А потом и отдохнём.

Известно ли про пещеру?
Факт!
Боялись её, холеры.
Вот так.
Разбойники там жили.
Факт!
Обозы грабили да добро делили.
Вот так.
С ними девка разбойничать стала.
Факт!
Бегала по ночам да орала.
Вот так.
Распустит свои волосищи.
Факт!
Воет, ревёт да свищет.
Вот так.
А поди-ка пойми на слух-то.
Факт!
Думали, что нечистый дух там.
Вот так.
И до сих пор по привычке.
Факт!
Яму-то и зовут Девичьей.
Вот так.

«Губернское начальство посылало к пещере отряд казаков».
«Люди боялись лезть в пещеру, их пороли плетьюми».
«Енисейский меридиан», выпуск 3, с. 122, 1977 г.
Красноярское книжное издательство.

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.

Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

То туда бежим послушать,
То сюда бежим узнать,
Тут сидим, развесив уши,
Где-то начали зевать.

Здесь послушали, успели,
Тут узнали кое-как.
Может, басни надоели?
Не читайте, коли так.

Вот ещё не так уж древний
Быль-рассказ на два листка.
Он записан был в деревне
О злодействах Колчака.

Вот беда ломилась в дверь,
Уж беда-то.
Приезжал урядник-зверь,
С ним солдаты.
Мужиков-то по домам собирали.
На мороз-то босиком выгоняли.
Да по снегу прямо в лес торопили, Да штыком-то, вслед
штыком им грозили...
У горы, крутой горы,
У пещеры
Встал урядник, поглядел
Лютым зверем:
Нут-ко, дряни-мужики,
Раздевайтесь
Да в пещеру эту, вниз
Забирайтесь.

Там по норам, по углам
Посмотрите.
Кучи злата и добра
Поищите.
Там казну большевики
Позарыли,
От царя да от господ
Схоронили.
Кто полезет да найдёт —
То награда.
Что молчите, мужики?
Аль не рады?
Лезть под землю мужики
Не хотели.
Мёрзли, стыли на ветру,
На метели.
Что в пещере клады есть,
Мы не верим.
Расстреляйте лучше здесь,
Изуверы.
Это выдумки одни,
Пересуды,
И казне большевиков
Быть откуда?
Казнь решили учинить
Вы над нами
И живыми схоронить
Под камнями.
Хоть огнём спалите нас
На железе,
А в пещеру ни за что
Не полезем.
Били, били мужиков
Шомполами
Да топтали на снегу
Сапогами.

С озверевших-то солдат
Лился пот аж,
А урядник пуще всех
Бил наотмашь.
Хватит права расстрелять
За глаза нам!
Кто в деревне помогал
Партизанам?
Кто давал им лошадей
Да берданы?
Ах вы, бороды-усы,
Ах вы, дряни!
Долго били мужиков
Лиходеи.
А мороз-то всё сильнее,
Ветер злее.
Покурили беляки,
Зубоскаля,
Сняли шубы с мужиков,
Ускакали.
Шли к деревне мужики,
Замерзали,
Да друг дружке кое-как
Помогали.
И грозили белякам
На тропинке.
Вот ужо задаст же вам
Сам Щетинкин!

«...Одной из находок в пещере было бревно с надписью, вырубленной топором: «Не ходи — завалит», рядом на скале также была надпись: «Виктор Ковалев 1929 г.» Как выяснилось, Ковалев с товарищами искал в пещере клад».

**«Енисейский меридиан», выпуск 3, 1977 г.
Красноярское книжное издательство.**

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

Будут, может быть, смеяться
Над рассказом, в нём, мол, глушь.
Ухмыляться, обзываться,
Дескать, вот уж чушь так чушь.

Вот таким-то и доверим
Быль. Не только им одним,
Если кто-то не поверит,
Пусть не верит, мы смолчим.

Разрешите к вам в купе?
Здравствуйте. Я тут, за стеной в соседях.
Спасибо, не беспокойтесь. Я вот здесь, в уголке.
М-да... ну что, товарищи, едем?

Моих-то не оторвешь от окна,
А мне мельканье столбов надоело.
Належался так, что заныла спица, До того начитался, что голова заболела.

Иду мимо, у вас разговор,
Думаю, ага... здесь не до книжки.
Вот и я... покалякать, включится в спор, А может быть, в дурачка, в
картишки?

А погода-то за окном хороша!
В этих местах всю сенокосы.
Косари нажимают, гребут, спешат;
Глядишь и подойдёт, подождёт осень.

А в наших краях сейчас дожди,
В поле грязища, не вытянешь ноги.
Сиди да погоды от Бога жди,

Одно спасенье, что есть дороги.

Вы откуда? Из Воронежа? А вы?
Из Сибири, из Ачинска? Как же, знаю.
Даже работал там чуточку, но увы!
Давно это было, с трудом вспоминаю.

Это было... Лет пятьдесят назад,
Да нет, пожалуй, что больше.
Записался я в специальный отряд,
Был-то тогда молодой же.

Так вот поехали мы в Сибирь,
Как раз в тот самый ваш Ачинск.
За окном вот так же просторы, ширь,
Приехали в городишко, прибыли, значит.

В то время в Ачинске слух прошёл,
А люди тогда за слухами... как овцы.
У озера кто-то пещеру нашёл,
В гражданскую около неё крутились колчаковцы.

Зашевелились окрестные мужики,
И вот зашептали, заговорили:
Будто бы в девятнадцатом беляки
Награбленное золото там схоронили.

Чтобы дать на это ответ
(Хоть была нам дорога неближней),
Ачинский исполнительный комитет
Наш поисковый отряд и вызвал.

В этой пещере на большой глубине,
Приблизительно метров так в сорок,
При тусклом от фонарей огне
Мы прокопались месяца три у соснового бора.

Золота, конечно, нигде не нашли,
Но в колодце на дне пещеры
Длиннющим ходом под горой прошли,
Правда, никто нам потом не верил,
Где на четвереньках, а где животом

(Ход-то местами стал осыпаться),
Метров сто мы проползли ползком,
А под конец начали задыхаться.

Может быть, и смогли бы чего найти,
Если бы ещё с месяцок поискаться,
Да перестали нам за это платить,
Нечего, дескать, бестолку копать.

Любопытная всё ж таки гора,
Много возникло тогда вопросов.
Извините, мне вроде бы пора,
Кажется, уже чай разносят.

Порядочек в своём купе наведу,
Погреюсь чайком да выйду,
Если не возражаете, с колодой приду, Так в дурачка без обиды.

«...Несмотря на сложности, связанные с увеличением глубины, расчистка уникального памятника продолжается. Кто знает, может быть, подтвердится одна из легенд о пещере и удастся найти подземный ход, ведущий к озеру».

«Айдашинская пещера».

В. Н. Молодин, В. В. Бобров, В. Н. Равнушкин.

«Наука», г. Новосибирск. 1980 г.

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины.
На ходу и за столом,
Старики-то, как из глины,
Лепят сказки о былом.

Нам бы этих любопытных
Стариков не обижать.
Их рассказам самобытным
Верить, слушая, кивать.

А они ещё вот разик
Рассказали нам в гостях
Самый маленький рассказик
Об Айдашинских страстях.

Поспорили мальчишки на горе однажды, Что тут под ними в толще
твёрдых скал
Есть к озеру, почти к воде, в овражке
Секретный ход пещерный, а какой, никто не знал.

Чем дальше, больше, крепче разговор, Ещё немного, и дошло б до кулаков,
до драки, Да догадались, чтоб закончить спор,
Решили бросить в яму Мишкину собаку.

В раскрытый зев гранита и руды
(Ребятам что, ни боли им, ни собственного риска) Собачка бедная, не
чаявши беды,
Ушла в пещеру кувырком с истошным визгом.

Потом пластом мальцы лежали на камнях
И в темноту часа, наверно, два глядели.
Вот ямища-то! Ну и страх!
Собаку Мишкину ребята всё ж таки жалели.

А снизу доносилось звоном до ушей
Из темноты кромешной, не смолкая,
Как будто кто кричал: на помощь, поскорей!
Мольба собаки к ним призывным лаем.

Мальчишки ничего поделать не могли,
Да если б и хватило смелости решиться, Чтоб выручить собаку из щели,
Никак в пещеру невозможно было бы спуститься.

Чего уж тут. Хоть сдохни на горе,
А толку нет. Осталось: по домам, до хаты.
К деревне шли под вечер при заре
И чувствовали — здорово перед собакой виноваты.

У дома Мишка торкнулся в проём дверей, Зашёл, понюхал, вроде пахнет
псиной...
Туда-сюда... глядит, в углу сеней

Сидит его обшарпанная шавка в глине.

И Мишка вздернулся с каким-то чувством весь, Склонился к преданному другу, за уши лаская, И радовался. Ход-то всё же есть!
И есть собака, вот она сидит живая!

«...Перед вами книга, которая вводит в научный оборот все дошедшие до нас материалы Айдашинской пещеры, которая, несомненно, является уникальным культовым местом на территории Северной Азии.

Авторам удалось воссоздать чрезвычайно сложную картину исторических событий, происходивших на этой территории в древности, ибо здесь, как в зеркале, отразились взаимоотношения племен, культовые обряды, а также эстетические чувства охотников, скотоводов, воинов».

**Герой Социалистического труда, академик А.
П. Окладников. Аннотация к книге
«Айдашинская пещера». С. 2.**

«...И впрямь были дивными рассказы, издавна ходившие среди жителей Ачинска и окрестных сел (об Айдашинской пещере). Говорили, будто древние обитатели края поклонялись этой пещере и бросали в нее украшения, оружие, всевозможную утварь, чтобы умиловить подземных духов. Одни считали их небылицами и только посмеивались над рассказчиками, другие верили и не верили; но проверить, где

*выдумка, где были, не собирались: им-то
какое дело?*

Геннадий Петров.

«Следопыты искусства». Ленинград.
Издательство «Детская литература». 1977 г. С.
154.

*«...Кости человека (найденные в пещере), в
количестве 57, принадлежали двум
индивидуумам».*

*«...Весьма любопытен вопрос о захоронении
людей в пещере, особенно принимая во
внимание обнаруженные в процессе раскопок
остатки черепной кости ребенка».*

*«...Прямых оснований для предположений,
что останки людей являются следствием
каких-то магических и жертвенных
церемоний — нет, хотя такие обстоятельства,
учитывая воинственные наклонности древних
кочевников, могли иметь место».*

«Айдашинская пещера».

Издательство «Наука». 1980 г. С. 99.

Всё легенды да былины,
Всё легенды да былины
На ходу и за столом.
Старики-то, как из глины,
Лепят сказы о былом.

В кольчугах тесных и щитах
По скотогонным тропам пыльным
Отряд на быстрых скакунах
Летит по зарослям ковыльным.

Ещё не знают у реки
В жилищах дымного улуса,

Что рядом острые клинки
С долин извилистого Уса.

Ещё обмятый мирным сном,
За много лет никем не пуган,
Забытый духами и злом,
Беспечно спит таёжный угол.

Теснится рядом в берегах,
В туманном пологе, как в дыме,
Чуть слышно хлюпает в кустах
Вода холодного Чулыма.

От низких туч косая тень
Лежит в прогалинах болота,
Пошёл уже десятый день,
Как все мужчины на охоте.

Стоит осенняя пора
С погодой ветреной и хмурой,
И старики, и детвора
Лежат в тепле на мягких шкурах.

У женщин в чумах нет забот,
Скрады полны запасом пищи.
И на поляне круглый год
Чадит валежником кострище.

Таёжный Ус в туманной мгле,
Курганов каменные плиты.
Броза качается в седле,
Чеканным золотом обитом.

Железом мускулы полны,
В глазах огонь отваги дикой.
Он вождь богатой стороны,
Суровый, знатный и великий.

Он сам ведёт лихую рать
В далекий путь по тропам горным.
Людей беспутных наказать
В лесах Арги за непокорность.

Они охотились в лесах,
На берегу общиной жили.
И за пятнадцать лет ясак
Своим улусом не платили.

Они посыльных от властей
Прогнали в горы злобным криком.
И долго вслед от камышей
Грозилась стрелами и пикой.

С рассветом сея смерть и страх,
Как тяжкий грохот камнепада,
В туманный стан на скакунах
Влетели лучники отряда.

И словно злой взметнулся дух,
И закружил с истошным шумом
Под крик детей, под вопль старух,
Под треск огней зажжённых чумов.

Застило неба синеву
Крылом вороньим — дымным клубом.
Злодеи призом на траву
К ногам вождя бросали трупы.

Улус горел, погибли все.
От стрел увертываясь с риском,
Бежал в болото по лозе
Лишь чудом спасшийся мальчишка.

Ужом в кочарник уползал,
И, наливая сердце злостью
Стрелу смертельную держал,
С концом, заточенным из кости.

Раздвинув мокрую листву,
Мальчишка, сжавшись, цепенея.
Спустил тугую тетиву
Не глядя, в сторону злодеев.

И это был удар грозы!
Решила все слепая воля.
Стрела попала в глаз Брозы,
И рухнул мёртвым грозный воин.

Пока холодный ужас жал
Отряд у выжженного стана,
В осоке, путаясь, бежал
Стрелок в тайгу через поляны.

И разошлась кругом молва
О том, что в маленьком селенье
Взамен хмельного торжества
Был чёрный траур погребенья.

Что властелин страны погиб
Не в битве с равными врагами,
А пал в улусе у Арги,
Сражённый детскими руками.

Где прах вождя земле предать,
Старшины думали упорно.
Курган ли шапкой насыпать?
Иль в камне выбить склеп просторный?

Измяв траву и ковыли,
Обшарив местные просторы,
Князьки у озера нашли
На третий день могилу-гору.

Ветрам открыта и заре,
Как чья-то грудь со следом раны,
С глубокой щелью на горе
Сама гора была курганом.

Безмолвно скорбный путь пройдя
В печали траура великой,
На гору воины вождя
Внесли, лежащего на пиках.

К закату лучники пришли.
Обшарив лес на три захода,
Они мальчишку принесли
К могиле — мёртвым из болота.

При тусклых отблесках огней
Свершив порядок погребенья,
Из лисих шапок много дней
В пещеру сыпались каменя.

Потом к лесам Чулым-реки
Через долины и овражки
К могиле каменной князьки

Везли красавицу Айдашку.

Она богатою княжной,
Весёлой, юной, синеокой, Была любимую женой
Вождя степных племен Востока.

Она, как солнце и луну,
Любила мужа-властелина.
Об этом люди в старину
Слагали песни и былины.

С мольбой и верой в чудеса
Она в шаманских плясках шумных
Взывала к духам, к небесам,
И вскоре сделалась безумной.

Событий давних тяжкий груз
Ушёл, развеянный ветрами.
На берегу другой улус
Уже чернел, дымя кострами.

В стране таёжной там и тут
Вели историю по слухам,
И привыкал окрестный люд
К другим вождям, князькам и духам.

Но из былых времён веков
Не всё ушло, не всё забылось,
Устами древних стариков
В преданьях давних говорилось:

Как у Арги костёр горел
И как усохшею ромашкой
В холодном чуме на горе
Жила безумная Айдашка.

Как был совет на берегу,
Где, в память веры и печали,
Улус таёжный на лугу
Князьки Айдашками назвали.

На много, много лет святой
Обычай люди сохранили,
Перед охотой и войной
Пещере жертвы приносили.

Под звуки бубнов на заре
Бросали в щель зверьков и рухлядь.
Подолгу стоя на горе,
Считали, кланяются духам.

В полузасыпанной дыре
Ларцом легенд и суеверий
Хранила тайны на горе
От любопытных глаз пещера.

Но, наконец, пора пришла,
Приложив к памятнику руку,
Завесу тайны подняла
Археология — наука.

Она открыла суть былин
В остатках древних ритуалов.
И в принесённых из долин
Обломках копий и кинжалов.

По наконечнику стрелы,
По медным бляшкам, бусным долькам,
По кости, найденной в пыли,
По хрупким, каменным проколкам.

Мой сказ изложен был не зря.
В скале под каменной крышкой
Нашли скелет богатыря
И кости черепа мальчишки.

Вот и всё. Последней былью
Позабавили мы вас.
Ни одной не утаили,
Не забыли,
А сейчас,
Чтоб честнее было вроде,
Список авторов приводим.
Байка первого рассказа
К нам дошла от деда Власа.
То, как Сил в пещеру лазил,
В книге древней есть рассказик.
Где о старце быль пропета,
Есть и в книгах, и в газетах.

Про урядника, про клады
Быль. Тут выдумки не надо.
Про собаку и мальчишек
Это я в Зерцалах слышал.
О разбоях кривотолки
Ходят в ачинских посёлках.
Как отряд ходы искал,
Харитоныч рассказал.
Как Броза скакал к лесам,
Это я придумал сам.

Ачинск — Саяногорск. 1978—1995 гг.